

Сказочные
повести

Ирина Токмакова

Счастье, Ивушкакин!

Сказочные повести

Ирина Токмакова
Счастливо, Ивушкин!

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Токмакова И. П.

Счастливо, Ивушкин! / И. П. Токмакова — «Азбука-Аттикус», 1991 — (Сказочные повести)

ISBN 978-5-389-12017-4

Сказочная повесть Ирины Токмаковой поможет взрослому читателю вновь окунуться в трепетные переживания счастливого детства, а ребёнку – прислушаться к окружающему миру, увидеть в нём красоту, чудо и волшебство, побороть в себе внутреннюю неуверенность, стать смелее, добрее, лучше.

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-12017-4

© Токмакова И. П., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Токмакова Счастливо, Ивушкин!

© Токмакова И. П., 2013

© Челак В. Г., иллюстрации, 2013

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013
Machaon®

* * *

Глава первая Луша

Ивушкин не подслушивал. Просто они думали, что он спит, а он – проснулся. Разбудило противное слово «диссертация», которое шипело за дощатой перегородкой и извивалось там, как змея.

- Ну конечно, сразу же после защиты диссертации, – говорил папин голос.
- Как только защитишь диссертацию? – спрашивал мамин.
- Как только диссертацию утвердят и присвоят звание, – объяснял папин.
- Филипп будет жить в угловой, там балкон и солнце, – продолжал мамин голос.

Филипп – это он и есть, Ивушкин. Его зовут Филиппом в честь бабушки. Только он привык, что он – Ивушкин. Так его звали в яслях и в детском саду. Это тогда, когда они жили в городе. Но вот уже два года, как семья агронома Ивана Филипповича Ивушкина переехала в деревню. Два года, два прекраснейших года они прожили в этом славном доме. В нём есть большие сени и лесенка оттуда на чердак, где пахнет сухими листьями и тёплой крышей, где лежит старый угольный утюг, который умеет превращаться в паропровод, где кем-то оставлены чёрные прокопчённые крынки. Внутри крынок темно и таинственно, и кажется, кто-то там на дне шебуршит, и дышит, и живёт. И ещё в этом доме есть русская печь, в которой разжигается настоящий домашний костёр. Костёр горит живым огнём, а потом превращается в красные угли. По ним бегают синие огоньки, а после они куда-то исчезают, и угли накрываются пушистым серым одеялом, и гаснут, и ложатся спать.

Да что говорить! Главное-то всё-таки не это! Главное, что в доме – нет, не в доме, а в крытом дворе, куда ведёт из сеней маленькая скрипучая дверка, – живёт Луша!

Вот про Лушу-то и пошёл дальше разговор, который не должен был слышать Ивушкин, но услышал, вроде как бы подслушал, хотя подслушивать некрасиво и стыдно, но если человек проснулся утром, то в чём же тут его вина?

- Что сказал дядя Кузьма? Они возьмут Лушу на конюшню? – Это спрашивала мама.
- Варенька, ну посуди сама, зачем им в хозяйстве такая старая лошадь?

– Ну ты хоть погоди, Фильке не говори, он разнервничается.

– Я и сам расстроен, да что поделаешь?

Дело в том, что семья Ивушкиных переезжала обратно в город.

Папа Иван Филиппович написал в деревне какую-то диссертацию. Это много-много листов бумаги, напечатанных на машинке, и какие-то листы с непонятными линиями, похожими на зубцы горного хребта, которые называются «диаграммы». И вот теперь почему-то из-за всей этой бумаги папа больше не будет работать в деревне Высоково, и они не будут больше жить в этом замечательном доме, всеми пятью окошками – на тихую речку Меру, на луг, покрытый красной смолкой, и колокольчиками, и ромашками, и дрёмой. В городе им дают трёхкомнатную квартиру, а папа будет работать в НИИ. Ивушкин пока ещё не очень понял, что это значит. Самое ужасное, что во всех этих трёхкомнатных квартирах люди почему-то не держат лошадей. И вот теперь... Теперь от него что-то скрывают, что-то плохое обязательно случится с Лушей.

– Из хозяйства они её списали. – Это сказал папа. – Она списанная, понимаешь? – повторил он.

От этого непонятного, чем-то смертельно угрожающего слова у Ивушкина внутри что-то заболело, как умеет болеть зуб. Ивушкин тихонько застонал.

Шёпот за стеной прекратился. В комнату вошла мама с таким лицом, точно завтра Первое мая или Новый год.

– Филюшка, ты не спишь?

– Проснулся, – мрачно буркнул Ивушкин.

Он был уже большой, осенью – в школу. Он понимал, что, если зареветь, завопить, заскандальить, всё равно ничего не получится. Он решил подождать, подумать хорошенько.

– Филюшка, вставай, приберись немножко. Я пошла в Родово, в магазин: у меня вся соль вышла. Папа уезжает на дальнее поле, сейчас за ним «газик» придёт.

И действительно, на дороге тут же что-то заурчало, и, переваливаясь на дорожных колдобинах, к дому подкатил колхозный «газик». Ивушкин видел в окно, как папа сел рядом с шофёром Кирюшей и укатил.

– На столе в кухне молоко в жбанчике и коржики. Поешь, посуду сполосни и подмети, ладно, Филюшка? Сделаешь?

– Сделаю, – ответил Ивушкин как-то уж очень неприветливо.

Видно, мама была занята своими радостными мыслями, раз она не обратила внимания на то, что её всегда ясный и ласковый мальчик хмур и чем-то озабочен.

Взрослые люди иногда впадают в страшное волнение по пустякам, а бывает, проходят мимо вещей важных и серьёзных.

Как бы то ни было, мама, взяв сумку, маленький кошелёчек в виде кошачьей головы и повязав от солнца косынку в синий горошек, легко сбежала с крыльца и направилась в соседнюю деревню Родово, где был магазин.

Ивушкин остался один. Он глядел на окно, на отставший уголок пожелтевшей марлюшки. Сейчас марлю трепал ветер в том месте, где откнопилась кнопка. Марлю прикрепили весной – от комаров. А сейчас комаров нету. Ивушкин отогнал эту ненужную мысль. Прислушался. На комод тикал будильник. Тикал, тикал – у него никогда ни на что другое не хватало фантазии. Гнал время, гнал время, дуралей! А время, наоборот, надо бы остановить, чтоб можно было хорошенько во всём разобраться!

Что значит «списанная»? Ивушкин вспомнил, что про бороны, которые долго валялись у сараев на главной усадьбе колхоза, в Худяках, и которые недавно наконец свезли как металлолом, тоже кто-то говорил «списанные». Списанные – значит негодные, ненужные, ничьи. Но Луша!!! Луша умница, труженица, добрая, такая рассудительная, такая, такая... да, любимая, ну и что? Ивушкин её любил, потому что Луша его друг и прямо так и говорит ему об этом.

Ах нет, пожалуйста, не начинайте сразу же говорить, что это чудо или что так не бывает.

Умела Луша говорить, умела. И только всем было недосуг прислушаться, а может, просто все в это заранее не верили. А уж раз не веришь, так разве услышишь?

Тик-так, тик-так, тик-так!..

Тьфу ты, пропасть!

Ивушкин встал и оделся. С кем посоветоваться? Поговорить с конюхом, дядей Кузей?

Ещё неизвестно, что из этого получится. Единственный друг Валька, который старше на два года и очень умный, укатил к бабушке в Макарьев.

Дождаться маму? А зачем? Это ведь она сказала: «Ты хоть Фильке не говори». «Не говори...» А что «не говори»? Что они уезжают в этот проклятый город, он знает. Что «не говори»? Про Лушу? Куда, куда они собираются её девать?

На дворе что-то брякнуло. Может, Луша, пытаясь урезонить надоедливых мух, задела копытом стену?

Ивушкин поспешил во двор. Дверь скрипнула. Луша скосила на Ивушкина большой лиловый глаз, передёрнула серой в светлых пятнышках шкурой, махнула хвостом, спросила, позабыв поздороваться:

– Сегодня купаемся, Ивушкин?

Потом заметила, что с ним что-то происходит.

– Ты что не такой? Что случилось?

– Случилось.

– Что?

– Беда, вот что.

– Какая?

Луша спросила спокойно, точно он просто ей сообщил, что к ним залетала бабочка.

– Ну мы же переезжаем в город!

– Почему ты кричишь? Переедем, и всё.

Ивушкин мучился ужасно. Он не знал, как сказать, чтобы сразу не огорчить, не обидеть Лушу.

– Луш, но ты ведь лошадь.

– Да ну? – притворно удивилась Луша. – Вот новость-то!

Ивушкин даже и не улыбнулся.

– Лошади в городе не бывают, – сказал он уныло.

– А кто бывает?

– Машины. Легковые и грузовики. УАЗы, МАЗы, КамАЗы.

– Да будет тебе, таких и слов нет.

– Есть. Это марки машин.

– Ты смотри!

– Луш, ладно тебе, ведь не до шуток.

– Ивушкин, я не понимаю. Ты объясни.

Деваться было некуда. Пришлось объяснять.

Луша сразу посерьёзнала, погрустнела.

Два года вместе. Она так привязалась к Ивушкиным. Любила возить Ивана Филипповича в поле, пастись тихонько у обочины, пока он распекал младшего агронома и бригадира, а уж как она любила Ивушкина!

Ивушкин был лёгкий, почти невесомый! Они вместе неслись через луг и влетали в Мера, там, где пологий бережок и маленькая золотистая песчаная отмель. Мера взрывалась брызгами, в каждой капельке отражались сразу и луговые цветы, и солнышко, и прибреж-

ные ракитовые кусты, от этого капельки речной воды делались разноцветными, и на душе у обоих становилось весело, легко и разноцветно.

А зимой! Ивушкин насыпал Луше овса, садился рядом на маленькую скамеечку, которая осталась от прежних жильцов (хозяйка, сидя на этой скамеечке, доила корову Ромашку). Ивушкин усаживался на скамеечку, и они с Лушей беседовали...

А что же теперь получается? Вся семья уедет в город, где эти «разы, двады, мады», а она останется одна – голодная, холодная, печальная и никем не любимая? Брошенная?

«Так не бывает, – думала Луша. – Разве своих бросают?»

Что-то во всём этом не было похоже на правду, что-то кололось и царапалось в голове, или в душе, или где уж там – неизвестно, где-то внутри. Не вязалось, не верилось. Но Ивушкин объяснил всё складно, и выходило всё так.

Ах, не надо было Ивушкину просыпаться и слушать разговор! Тогда бы не получилось столько разных тревог.

Впрочем, тогда не получилось бы и сказки, которую пережили Ивушкин и Луша. А у кого в детстве не бывает сказки, тот вырастает сухим, колючим человеком, и люди об него ушибаются, как о лежащий на дороге камень, и укалываются, как о лист осота.

Забегая вперёд, я вам скажу: Ивушкин вырастет хорошим человеком. Добрым, душевным, понимающим. Может быть, и оттого, что в детстве у него была Луша, с ними обоими и случилась сказка.

Потому что дальше было так.

Глава вторая Вихроний

– Ивушкин, ты думаешь, в этом нет никакой ошибки? Они уедут? Тебя возьмут, а меня – нет?

– Ну, я же слышал! Ты понимаешь?

– Но они хорошие. Они твои папа и мама. Папа и мама не бывают плохими.

– Луш, я не сказал, что они плохие. Только они не всё понимают. Они – взрослые.

– Значит, я тебя больше никогда не увижу, так, что ли?

Ивушкин не ревел только потому, что рёвой он не был. Внутри у него всё плакало и всхлипывало по-девчачьи. Он молчал, бессмысленно уставившись взглядом в пол. По полу полз муравей, пытаясь утащить соломинку в четыре его собственных роста. Куда он её волок? В лес? В лес...

– Луша, – сказал Ивушкин, – ничего другого не остаётся.

– Что ты говоришь? – дёрнула своими аккуратными серыми ушками Луша.

– Я говорю, – повторил Ивушкин каким-то севшим, с хрипотцой голосом, – что ничего другого не остаётся. Нам надо убежать.

– Как это? Куда?

– Так. Уйдём. В Синий лес, например.

– Ты думаешь, так будет правильно?

Правильно – неправильно, для Ивушкина в тот момент это никакого значения не имело. Он не хотел, впрочем – что я! – просто не мог расстаться с Лушей, её надо было срочно, быстро спасти от этого страшного слова «списали». Больше ни одна мысль не помещалась у Ивушкина в голове. А уж правильно ли он поступает и даже как ему здорово за это влетит, он не думал, не думал он и о том, как мама будет тревожиться, когда, вернувшись, не обнаружит его дома. Забыл, а впрочем, должно быть, никогда толком и не знал, как обмирает мамино сердце, когда она теряет из виду своего ребёнка, как волнуется папа, когда сын бродит неизвестно где. Хотя, может, и меньше, чем мама, потому что чувствует, что сын – мужчина, что просто так, ни с того ни с сего, не пропадёт.

Ивушкин когда-нибудь сообразит, что заставлять волноваться других людей не годится. Он узнаёт, что это называется эгоизмом. Всё поймёт и постарается так не поступать.

Но это будет потом. А пока что, в тот день, первого августа, когда будильник с электрической батареей внутри показывает без четверти двенадцать и тихонечко тикает и тикает, Ивушкин окончательно принимает решение.

– Пошли!

– Хорошо. Пошли. – Луша вздохнула длинным, печальным, протяжным вздохом. – Ффухх!

И вот они уже идут через главную усадьбу в Худяках по просёлку, в сторону Синего леса.

В Худяках народу на улице мало. Все – в поле. Им попались навстречу только две старые-престарые бабушки да совсем маленький мальчонка. Этим решительно не было никакого дела до того, куда Ивушкин ведёт среди дня старую Лушу. Может, в Угольки на кузню, может, в Синий лес за волнушками...

Пыль на дороге пахла тепло и уютно. В ней аккуратно отпечатывались Лушины копыта и кеды Ивушкина.

Над головами пронеслись деревенские ласточки, которые по дурной привычке всегда выбирают самое неподходящее место для игры в догонялки и ни на кого не обращают внимания.

Луша и Ивушкин миновали поле, покрытое кучами соломы, похожими на отдыхающих львов.

«Пресс-подборщик здесь не работал», – отметил про себя Ивушкин и тут же про это забыл.

Вот и Синий лес. Они за лето бывали здесь уже сто раз. Тут они любят входить в лес – возле старой липы. Луша чуть-чуть пригнулась, и они сразу оказались в прохладе и тишине.

Всё здесь было как обычно. Рядом с обгорелым осиновым пнём лежал вот уже второе лето и ржавел неизвестно кем и зачем принесённый обруч от бочки. Посреди обруча цвёл лютик, и цвёл колокольчик, и рос кустик земляники. Один листок сделался по-осеннему красным и вроде светился, точно под ним горела маленькая лампочка. Пропел свою всегдашнюю песенку зяблик. Слетела на землю еловая шишка. Как всегда, всюду синели полянки, сплошь покрытые вероникой. Она цвела здесь всё лето.

Может, лес потому и называется Синим?

Луша остановилась. Ивушкин тоже.

– Ивушкин, стой, – начала Луша каким-то торжественным голосом, как будто собиралась сообщить по радио важные новости.

– Ты что, Луш? Ну чего тут стоять на опушке, когда всякий может увидеть.

– Конечно. Но ты подумай всё-таки, хорошо ли так – взять и убежать. А? Ты всё-таки подумай.

– Да перестань. Трусишь ты, что ли? Сейчас не про это надо думать, а про то, где нам спрятаться, где укрыться, чтоб не нашли.

– В «Нигде и никогда», – сказал незнакомый суховатый голос из травы.

Ивушкин и Луша поглядели друг на друга.

– Что ты сказал, Ивушкин?

– Я – ничего. Это кто-то, неизвестно кто.

– Известно. Это я сказал. И повторяю: в «Нигде и никогда» укрыться очень удобно.

Листики травы шевельнулись у самых Лушиных копыт. Из травы выпутался ёж. Вроде бы ёж как ёж, может, немного больше обычного ежа. Но разговаривал, несомненно, он. Больше было некому.

Ивушкину показалось, что ёж даже вежливо поклонился.

– Вихроний, – представился он.

– Ежи разве умеют говорить?! – не очень-то деликатно воскликнул Ивушкин.

– Ах, люди, люди!.. – вздохнул ёж Вихроний. – Как они сопротивляются всему естественному и стараются втиснуть всё в свои представления!

Он говорил так мудрёно, что Ивушкину пришлось переспросить.

– Да ведь ты только что говорил с лошадьёю! – сказал Вихроний уже по-другому, обыкновенно. – Ну, раз ты знаешь, что лошадь говорит, почему бы не говорить и ежу?

– В самом деле, Ивушкин, – заметила Луша.

Ивушкин растерялся.

– Да ты... да вы... не обижайтесь, – нескладно пробормотал он.

– Говори мне «ты», так проще, – смягчился ёж.

Луша оправилась от этой неожиданности раньше Ивушкина и начала беседовать с Вихронием, как со старым знакомым.

– Его зовут Ивушкин, – сказала она. – А меня – Луша.

– Это мне известно, ваше совместное пребывание здесь мной постоянно фиксировалось.

– Ты что, заговариваешься, что ли? – спросила Луша сердито.

– Все нет, – ответил ёж. – Ну, попросту я видел вас, когда вы приходили сюда играть или собирать сыроежки.

– Мы тут играли одни, – заметил Ивушкин. – Валька – в Артеке.

– Совершенно верно. Однако визуально...

– Или говори понятно, или умолкни, – оборвала его Луша.

– Ну, лошадь, с тобой не забалуешь! – засмеялся ёж как-то совсем по-человечески.

– Объясни, – потребовала Луша.

– Это я и пытаюсь сделать. И если вы оба постоите спокойно и послушаете, вам всё станет ясно, потому что лица у вас довольно смышлёные и вселяют надежду, что вы не совсем уж тупицы.

На такие речи ежа Ивушкин только вдохнул побольше воздуха и проглотил его, а Луша фыркнула.

– Это страна «Нигде и никогда», – продолжал ёж.

Ивушкин и Луша стали с удивлением оглядываться.

– Нет, вы не вертите головами. Так её решительно нельзя разглядеть.

– А как же тогда? – спросил Ивушкин.

– Сейчас всё растолкую. Только сначала я должен удостовериться, правильно ли я вас понял. Правда, что у вас возникла надобность укрыться, так сказать, найти укромное прибежище, чтоб вас и не видно, и не слышно было и всё прочее в этом же роде?

– Правда, – мрачно подтвердил Ивушкин.

Луша молча кивнула.

– С вами случилась беда?

– Случилась, – сказал Ивушкин.

– Тогда всё правильно, – удовлетворённо заметил ёж, точно они сообщили ему про себя вовсе не грустное, а радостное известие. – В «Нигде и никогда» вы попадёте в невидимое пространство. Оно из вашего леса не видно. Вас оттуда никто не заметит и не найдёт.

– И надолго мы туда попадём? – опасливо спросила Луша.

– На этот вопрос ответить нельзя. Потому что там времени нет. Там неизвестно – долго или недолго, нельзя определить. Потому страна и называется «Нигде и никогда».

Ивушкину стало не по себе. Как же так – уйти куда-то и сделаться невидимым, вроде быть и вроде бы даже и нет! А как же мама с папой, и Валька, и вообще всё остальное?

Рыжая белка перепрыгнула с ветки на ветку. Зяблик снова пропел свою короткую песенку. Несколько раз по сухой берёзе стукнул дятел. С дальних лугов залетел в лес запах сена. Осинка начала перебирать листиками. Снова шлёпнулась на землю шишка.

Как же быть: соглашаться или не соглашаться?

– А почему же ты, – спросила дотошная Луша, – если нас так часто видел, ни разу к нам не вышел и с нами не поговорил?

Она всё-таки сомневалась в том, что ёж сообщал им правду. Может, это он просто так?

– Ясно почему, – ответил Вихроний, не задумываясь. – Вы были весёлые и счастливые. Вам не надо было укрываться и прятаться. Я не был вам нужен. А теперь – нужен. Вот я и пришёл. Сейчас я произнесу необходимые слова. Перед вами появятся двери. Вы не зевайте. Как только створки распахнутся, сразу же идите за мной.

Луша хотела ещё о чём-то спросить, но Вихроний остановил её:

– Пока помолчите. – Он нахмурился, сосредоточился и проговорил:

– Совершись, чудо,
Совершись!
Из ниоткуда,
Дверь, появись!
В зелёном пригорке
Скрипнули створки,
У ветра за спиной
Передо мной.

И в самом деле, маленький зелёный пригорочек вдруг стал расти, расти, и в нём обозначились двери, и обе их половинки распахнулись настежь, и все двинулись в таком порядке: сначала ёж Вихроний, следом Луша и, наконец, Ивушкин.

Как только они вошли, двери за ними захлопнулись и исчезли, пригорочек снова уменьшился до своих обычных размеров. На поляне в Синем лесу не осталось ни души. Только шевельнулся колокольчик. Только пролетела белая бабочка-капустница. Где-то далеко-далеко пропищал чей-то транзистор. Было ровно двенадцать часов. На поляне воцарилась непривычная, очень неподвижная тишина.

Но вы не пугайтесь. Ничего плохого не случилось.

Потому что дальше было так.

Глава третья «Нигде и никогда»

Как только они прошли через двери, обе створки за ними закрылись и двери растаяли. – Добро пожаловать в «Нигде и никогда», – торжественно приветствовал их Вихроний. – Теперь вы как следует спрятаны. – И он улыбнулся им приветливо и повёл своим острым кожаным носиком.

Вихроний очень понравился Ивушкину. Ему казалось, что Вихроний хоть и покрытый ключочками ёж, а совсем-совсем добрый, и умный, и надёжный какой-то.

Это и на самом деле было так.

Ивушкин и Луша стали оглядываться вокруг. Что это за страна «Нигде и никогда»? Куда они попали?

Кругом было зелено от листьев, пёстро от цветов: сразу стало ясно, что страна эта – лесная. Вокруг росли высоченные деревья с толстыми красноватыми стволами, под деревьями была густая трава, тоже необычайно высокая, мягкая, ласковая. В ней что-то шелестело, шептало, непрерывно двигалось. Небо было бледно-голубое, каким оно бывало у них в Высокове на рассвете. По небу иногда пробегали небольшие чистенькие облачка. Странность была в том, что на небе одновременно находились солнце, и луна, и звёзды. Как же это так?

Вихроний заметил их удивление.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – У нас и солнце, и луна – всё вместе. Время тут не идёт. Нет ни дня, ни ночи. А всё сразу. Нет минут. Нет секунд. Нет часов, будильников, ходиков...

Не успел Вихроний это проговорить, как послышалось совершенно отчётливое тиканье: тик-так, тик-так, тик-так.

– Что такое? – воскликнули Луша и Ивушкин в один голос. – Часы тикают!

Вихроний рассмеялся.

– Вы принесли тиканье с собой, как, бывает, кто-нибудь приносит с собой запах сеновала, или парикмахерской, или кухни, откуда он только что пришёл. Вы явились оттуда, где идёт время, где есть минуты и секунды. Где есть часы. Тиканье слышится от вас.

– Как странно!

Ивушкину стало неудобно. Вихроний заметил это и поспешил его успокоить:

– Да ничего страшного! Просто по этому тиканью все будут узнавать, что вы нездешние, только и всего!

– Вихроний, – сказала Луша, которую рассудительность и здравый смысл не покидали даже в этих необычных обстоятельствах. – Вихроний, теперь не худо бы обсудить, что нам делать. Не топтаться же здесь до самой ночи...

Луша вдруг умолкла, сообразив, что никакой ночи вовсе и не будет.

– Давайте рассуждать, – сказал Вихроний.

– Давай, – охотно согласилась Луша.

– Ваша беда ведь в чём заключается?

– Ты же знаешь: меня хотят увезти в город без Луши, – пробурчал Ивушкин.

– А ты, соответственно, не хочешь.

– Да как же я захочу? – крикнул Ивушкин, и голос у него сорвался. – Друзей не бросают!

– Подожди. Не кричи. Я понял. Значит, пока вы здесь, тебя увезти не могут. Тебя всё равно что и нету. Увезти того, кого нету, нельзя. Ты согласен? Значит, пока всё в порядке. Так?

– Ну, – буркнул Ивушкин.

– А дальше? – поинтересовалась Луша.

– А вот как быть дальше, надо спросить сестру Летницу.

– Чью сестру? – не понял Ивушкин.

– Она, видишь ли, всем сестра. Она обо всех заботится. Обо всех печалится. Всех любит. И всех понимает.

– Вот как! – удивилась Луша.

– Она мудрая и может дать самый мудрый на свете совет.

– Всё это хорошо и ладно, – сказала Луша. – Только где она, как нам её увидеть?

– Пойдём к ней скорее, – заторопился Ивушкин. – Спросим, что надо сделать, чтобы Лушу тоже взяли в город! Вихроний, ну пойдём, пожалуйста.

Вихроний вздохнул. Видно, что-то его удерживало.

– Понимаете что, – стал объяснять Вихроний. – Всё совсем не так просто, совсем не просто... В «Нигде и никогда» есть одно очень злое существо – чёрная птица Гагана. Птица Гагана очень опасна. А сестре Летнице – в особенности. Потому что сестра Летница одного на свете только и не может – не может оборониться против её неукротимого зла. И поэтому к сестре Летнице непросто дойти и найти её нелегко. Она – там, где её не найдёт птица Гагана. Я вам подскажу начало пути. Другие вам тоже помогут.

– Ты нас проводишь хоть немного? – спросил Ивушкин.

– Я должен быть возле ворот, – с сожалением сказал Вихроний. – Если мне удастся найти кого-нибудь, кто меня ненадолго заменит, я нагоню вас. Только вряд ли – все здесь заняты своим делом. Но вы не бойтесь. Я вам сейчас расскажу, как идти. Ивушкин, ты меня не слушаешь?

Ивушкин действительно его не слушал. Он прислушивался к шёпоту и шелесту деревьев, потому что в этом шелесте различил слова:

«Вихроний привёл печального мальчика и печальную лошадь. Мальчика зовут Ивушкин, а лошадь зовут Луша, и они друзья и ни за что не хотят расставаться. Вихроний укрыл их в нашей стране, и они собрались в путь к сестре Летнице...»

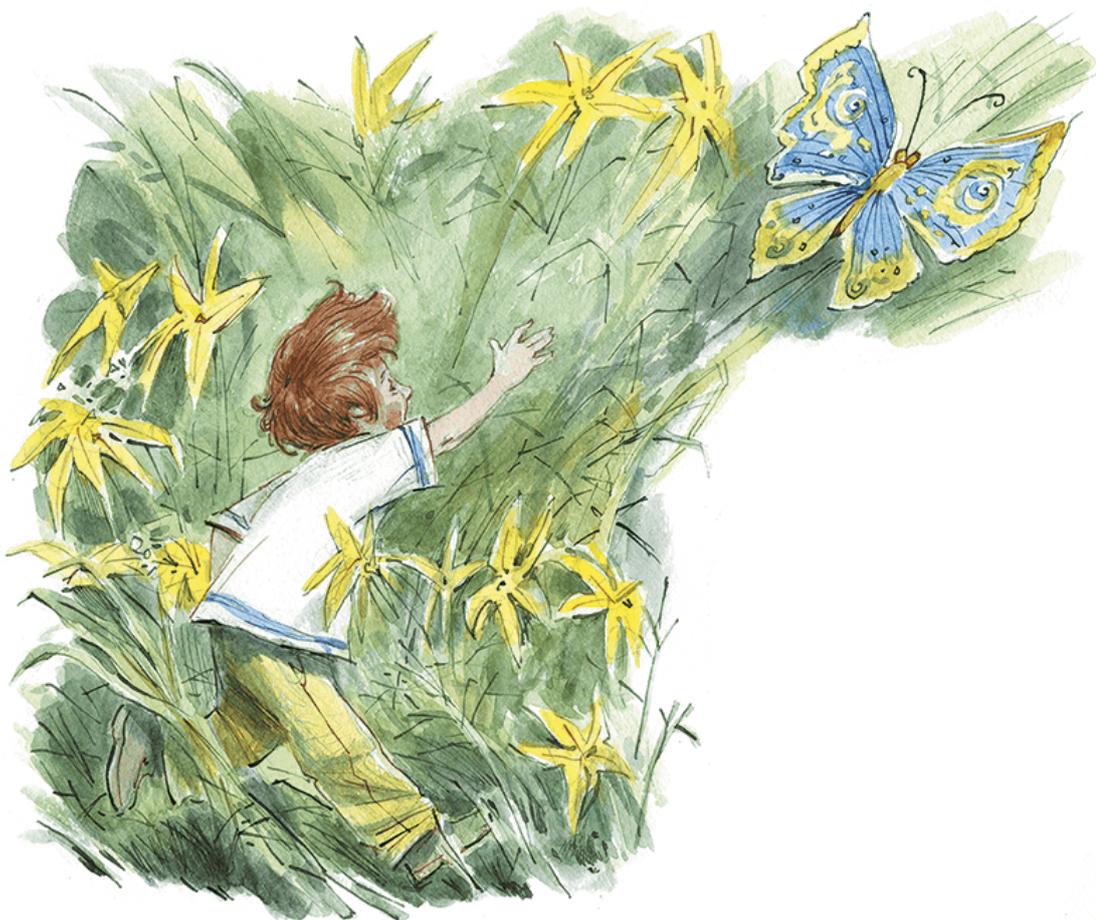
– Вихроний, кто это говорит?

– Деревья, – просто сказал Вихроний, точно в этом не было ничего необычного.

– Деревья разве умеют?

– Всё живое умеет говорить, – сказал Вихроний, чуть-чуть вроде бы даже обидевшись.

- А у нас, в Синем лесу, они не говорят, – сказал Ивушкин.
– Говорят. Это вам только кажется, что они шелестят без смысла.
Вот так новость!
– Вихроний, а почему деревья рассказывают про нас с Лушей?
– Запоминают. Вот и повторяют потихонечку. Деревья всё-всё запоминают.
– А у нас?
– И у вас тоже. Деревья всё помнят. Просто они ещё не знают, как сказать, чтобы людям было понятно. Научатся когда-нибудь. Ведь вот наши-то научились.
– Всё это хорошо и ладно, – снова сказала Луша, которую все эти загадочные вещи не могли сбить с основного направления мыслей. – Нам-то с Ивушкиным как дальше быть?
– Вы идите сейчас вот этой тропкой, видите? Вдоль неё растёт гусиный лук, видите? Идите прямо, никуда не сворачивайте, а как дойдёте до старой ивы с дуплом, так у неё и спросите, куда вам дальше идти. Поняли? Не сворачивайте никуда!
– Пошли, Ивушкин, – решительно позвала Луша. – Тебе спасибо, ёж. Будь здоров.
– До свидания, Вихроний, – промолвил слегка растерянный Ивушкин.

- И они двинулись по тропинке, с двух сторон поросшей не таким как в Высокове, а крупным-крупным, с большими цветами, гусиным луком.
– Доброго пути! – пожелал им Вихроний. И когда они уже совсем почти скрылись из виду, крикнул вдогонку: – Только не верьте Развигору!
Но они торопились вперёд и слов его не слышали.

Они шли и шли прямо и прямо по тропе. Деревья продолжали шептать, шелестеть, что-то вспоминать, что-то друг другу рассказывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.